

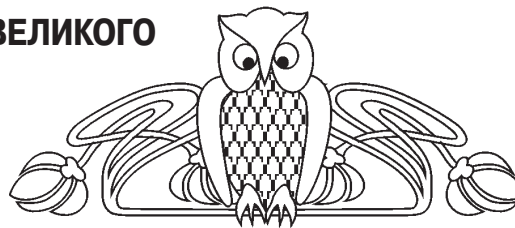

УДК 94(38)

ДВЕ ВЕРСИИ ПРЕДАНИЯ О ДЕТСТВЕ КИРА ВЕЛИКОГО (Herod., I.107–122; Xen. Cyr., I.3–I.4.3)

А. С. Сапогов

Саратовский государственный университет
E-mail: as_sapogov@mail.ru

Статья посвящена сравнению версий предания о детстве Кира Великого, переданных Геродотом и Ксенофонтом. В версии, передаваемой Геродотом в «Истории», главным является символизм игры в царя (*basilinda*), о которой говорится в иранской легенде, взятый «отцом истории» за основу повествования. В повествовании Ксенофонта о детстве Кира (в «Киропедии») можно выделить шесть главных событий, третье из которых – разговор Кира с его матерью Манданой – является кульминацией. Прослеживается влияние эпоса на версию Ксенофонта, которое проявляется в отношении к правдивости повествования и времени, в котором происходят описываемые события. Вероятно, в «Киропедии», так же как и в «Истории», при описании детства Кира мы имеем дело с определенным видом «синкретической правды», которая отличается как от исторической правды, так и от художественной. В обеих версиях события мыслятся как имевшие место в реальном историческом времени, а не в художественном. Автор статьи полагает, что главной целью «Киропедии» было рассказать о деяниях (*erga*) Кира Великого.

Ключевые слова: Кир Великий, Геродот, Ксенофонт, «Киропедия», «легенда о Кире Великом».

Two Versions of the Tale about Cyrus' the Great Childhood (Herod., I.107–122; Xen. Cyr., I.3–I.4.3)

A.S. Sapogov

The article is devoted to two versions of the tale about Cyrus' the Great childhood. The author compares Herodotus' and Xenophon's versions of the tale. The main event of Herodotus' version is a game, *basilinda* which has a sacral sense. Xenophon's version has six main events and the third event namely the conversation between Cyrus and his mother Mandane is a culmination of the tale. It is necessary to note the epics' influence on Xenophon's version, which becomes apparent in the attitude to the problem of truth and time in the tale. In the tale «Cyrropaedia» as well as in «Histories» we can see probably some kind of «syncretic truth», which differs from historical and narrative truth. Both versions tell us about events which were in real, not in fictional or narrative, time in the past. The author supposes that the main purpose of «Cyrropaedia» was to tell about Cyrus' deeds (*erga*).

Key words: Cyrus the Great, Herodotus, Xenophon, «Cyrropaedia», Legend about Cyrus the Great.

В своей статье «О преподавании всеобщей истории», написанной в декабре 1833 г., Н. В. Гоголь говорит о Кире Великом: «...Первый всемирный завоеватель, Кир, с свежим и сильным народом, персами, подверг весь Восток своей власти и насильно соединил разнохарактерные народы; но нравы, религия, формы правления остались в государствах те же, цари только обратились в сатрапов, и весь Восток видел над

собою одну верховную власть царя царей, персидского повелителя; ... постепенно от взаимного сообщения эти народы теряли свою особенность и национальность и вместе с своим царем царей, почти богом, невидимым для народа, поверглись в азиатскую роскошь»¹. И далее автор повествует об Александре Македонском², особо выделяя тем самым две фигуры, сыгравшие ключевую роль в судьбах Древнего Востока.

Личность персидского царя Кира Великого была и остается одной из ярчайших в истории древневосточных цивилизаций. Он стал героем легенд и рассказов уже вскоре после своей смерти. В Древнем мире сложилась «легенда о Кире Великом». Сам этот термин (*legend of/about Cyrus the Great, Kyros-Sage, la légende de Cyrus*) более поздний³ и появляется в европейской историографии во второй половине XIX в.⁴

Версии предания о детстве Кира, переданные Геродотом в «Истории» и Ксенофонтом в «Киропедии», – наиболее полные из тех, которые имеют иранское происхождение и относительно близки ко времени жизни Кира, поэтому их сравнение между собой представляется наиболее интересным и продуктивным⁵.

Уже во время создания Геродотом своего труда существовало минимум четыре ее версий (Herod., I.95). Наиболее полные из них представлены у Геродота, Ксенофонта и Ктесия⁶. Менее полные версии и отрывки легенды встречаются и у других античных авторов⁷. Здесь напрашиваются параллели с сюжетами древних мифов у других народов древности (напр., о Милете, о Зевсе, о Ромуле и Реме).

Геродот передает иранскую легенду, будто юный Кир воспитывался в семье пастуха, в которой он оказался после того, как его родной дед Астиаг попытался погубить младенца из-за вещих снов. В первом из них царь увидел, что его дочь испустила такое количество мочи, что затопила не только столицу Мидийского царства Экбатаны, но и всю Азию. После этого Астиаг решает выдать Мандану за знатного перса и тем самым удалить ее из Мидии. Во втором сне Астиаг видит, как из детородного органа его дочери вырастает виноградная лоза и покрывает собой всю Азию. Маги истолковали этот сон так: внук Астиага будет править вместо него самого⁸. Именно после этого Астиаг решил погубить внука, но благодаря ослушанию вельможи Гарпага Кир остался жив и попал в семью пастуха.

Однажды во время игры дети, даже не догадываясь о царском происхождении Кира, избрали его царем и относились как к царю. Он назначил одних строить дома (*dietaxe tous men oikias oikodomeein*), других быть телохранителями (*doryforoi*). Одному мальчику велел быть «оком царя» (*tou basileos ophthalmos*), другому приказал сообщать царю новости (*tas angelias espherein edidou geras*)⁹: каждому он поручил исполнять особую должность¹⁰. Когда один из участников игры, сын знатного мидянина Артембара, не выполнил приказания, Кир наказал его плетью. Мальчик пожаловался отцу, тот – царю Астиагу (Hdt., I.114). Царь велел вызвать к себе пастуха с сыном и во время разбора дела узнал в мальчике своего внука (Hdt., I.115–116).

Этот рассказ вызывает ассоциации с другим рассказом Геродота – о первом мидийском царе Дейоке (Hdt., I.96–101). Повествуя об основании Мидийского государства, историк сообщает, что Дейок назначил себе охрану (как и в ситуации с Киром использован термин *doryphoroi*), вестников, говорит о строительстве дворца для Дейока, а в рассказе о Кире речь идет о строительстве домов¹¹. Здесь повествуется не о назначении «ока царя», а о «подслушивателях» и «подглядывателях» (*kataskopoi, katekooi*)¹². Таким образом, это сходство может служить подтверждением тезиса о том, что Кир, в отличие от Дария I, обосновывал преемственность своей власти от мидийского царского дома¹³.

Важно, что в селении, где происходила рассматриваемая игра, находились и стада быков Астиага (*esan kai hai boukoliai hautai*). Замечание, носящее с первого взгляда характер бытовой зарисовки, возможно, содержит понятную иранцам символику. Очевидно, что имя Кира, имеющее корень *kur*¹⁴, в сознании иранцев связывалось с быком как значимым животным зороастрийской религии; кроме того, приемным отцом Кира в этой легенде является пастух-волопас (*boukolos*), то есть пастух не мелкого рогатого скота (*poimen*), а крупного.

Важен эпизод, в котором Кир наказывает ослушавшегося мальчика ударами плети (*karta periespe mastigon*). Глагол *mastigeo* связан с существительным *mastix*, которое соотносится с реалиями, относящимися как к пастуху-волопасу, так и к быкам (см., напр.: Suid., s. v. *bouplex*; Hesych., s. v. *boossoos*; s. v. *logasos*)¹⁵. Не исключено, что это подтверждает связь Кира с Митрой, поскольку бык являлся значимым животным в митраизме, правда, нельзя точно сказать, какой именно была его роль в эпоху Ахеменидов, но можно утверждать, что, по крайней мере, у мидийских царей и Кира бык был значимым символом, связанным с царской властью. Приемного отца Кира звали Митридат (то есть *Митрой данный*), это может быть аргументом в пользу приверженности Кира культуре Митры и его преемственности от мидийских царей. Напрашивается сопоставление эпизода из

Геродота, в котором говорится о плети, с авестийским рассказом о том, как верховный бог Ахура Mazda вручил золотую стрелу и хлыст первому царю иранцев Йиме (Вендидад, II).

Кир, согласно историку, носил в это время какое-то другое имя (I.113)¹⁶. Здесь, возможно, нашла отражение процедура получения царем тронного имени при восшествии на престол или же ритуал инициации, в ходе которого юноше давалось имя мужчины.

Следует отметить, что сам Геродот не даёт названия этой игре, употребляя глагол *paizo* в форме имперфекта (*epaize* – I.114). В статье лексикона Суды, посвященной Киру Великому, эта игра называется *basilinda*, и в отдельных статьях даются пояснения – «то, что присуще царю; вид игры». В лексиконе Гесихия описание более подробное, но, к сожалению, в тексте содержится лакуна: *basilinda* – «это вид игры, подобно тому, как подражающие царям и полководцам (детям) пользовались (чем-то или кем-то) ... [лакуна в тексте] ... у тарентинцев же также есть и Афродита Царица». Видимо, в эпоху классики это слово не употреблялось, оно более позднее, но адекватно передающее суть игры, распространенной среди детей и в греческом мире. Игра в данном случае выступает как некое удвоение реальности: позднее, победив своего деда Астиага в войне, Кир стал реальным царём. В этой игре Кир выступает мнимым царём, одновременно будучи мнимым сыном пастуха (*boukolou epiklesin paida*). В восприятии персов он здесь – сын пастуха, но ещё не царь, тогда как в художественном мире Геродота Кир уже царь, а не пастух.

В «Киропедии» описание детства Кира начинается с третьей главы I книги и завершается четвертым параграфом пятой главы I книги. Согласно Ксенофону, важнейшие события детства Кира таковы:

- (1) его приезд к деду, мидийскому царю Астиагу, вместе с его матерью Манданой (I.3.1–3);
- (2) обед Кира с дедом и матерью (I.3.4–12);
- (3) обсуждение с матерью государственного устройства у мидян и персов (I.3.18);

(4) на некоторое время Кир остается в Мидии и принимает участие в охоте на диких зверей (I.4.7–9, 14–15);

(5) когда Киру исполняется пятнадцать или шестнадцать лет, он вместе с царем участвует в войне между мидянами и ассирийцами (I.4.17–24);

(6) возвращение Кира в Персию, где он становится эфебом, а затем зрелым мужем (I.4.25–I.5.1).

Здесь, как и у Геродота, главные события детства Кира происходят в Мидии. Именно в связи с описанием пребывания Кира в этой стране Ксенофонт приводит наиболее полный перечень характеристик царевича. Он отмечает, что Кир выделялся среди своих сверстников *способностью быстро все постигать, благородством и мужеством, внешней красотой, ласковостью, прекрасными душевными качествами* (I.3.1–2). Историк

сообщает, что Кир был *честнолюбивым, любящим все прекрасное (filokalos kai filotimos – I.3.3)*, ему были свойственны *человеколюбие (filanthropia)*, *любопытность (filomathes)*, *живой ум и сообразительность (anchinous)*, а также *простота и доверчивость (I.4.1–3)*.

(1) Приезд к Астиагу происходит, когда Киру исполняется двенадцать лет, а согласно Геродоту, возраст, когда царское происхождение Кира обнаружилось, – десять лет¹⁷.

(2) Во время обеда в беседе с дедом Кир указывает на простоту персов в еде, в отличие от мидян, и отмечает, что его отец Камбиз, когда пьет вино, лишь утоляет жажду, тогда как Астиаг во время пиршеств пьет чрезмерно много, как и пирующие вместе с ним; во время такого пира у мидян и бывает свобода слова (*isegoria*). В ходе трапезы Кир показывает своё умение справиться с обязанностями виночерпия, и это также является своего рода игрой¹⁸. Но она, в отличие от игры у Геродота, кажется, не несет в себе столь глубокого символического смысла и, видимо, является аллюзией на версию «легенды», переданную Ктесием, согласно которой Кир, прежде чем захватить престол, был виночерпием у Астиага¹⁹.

В повествовании Ксенофонта юный Кир неоднократно старается услужить деду и дяде (напр., I.4.2). Эти эпизоды следует отметить, поскольку в других своих сочинениях (напр., «Анабасис» и «Гиерон») Ксенофонт не раз подчеркивает, что подчинение власти и дисциплина являются основами нормального существования общества. В целом тема подчинения власти (*peitharchia*) – одна из любимых тем Ксенофонта²⁰. Возможно, как человек военный Ксенофонт полагал, что для того, кто будет управлять людьми и командовать ими на войне, необходимо умение и самому подчиняться старшим.

(3) Разговор юного Кира со своей матерью произошел после того, как Астиаг предложил Киру остаться на некоторое время в Мидии и Кир согласился. В этом эпизоде Ксенофонт устами Манданы показывает преимущества персидской царской власти перед мидийской. Мать говорит сыну: «Мой мальчик, ... то, что понимают под справедливостью персы, и то, как ее понимает твой дед; не одно и то же. Дед твой царствует в Мидии и решает все дела, сообразуясь с собственной волей (*psyche*), у персов же считается справедливым, когда все имеют равные права. Твой отец первым выполняет свои обязанности перед государством, обладая установленными государством правами, мерой которых служит закон, а не его собственная воля. Так что как бы тебя не наказали бичом, когда ты вернешься домой, научившись у деда руководствоваться не законом царей, а законом тиранов (*tyrannikos*), согласно которому иметь больше власти, чем все остальные, считается необходимым условием государственного правопорядка (I.3.18)²¹. Этот разговор является кульминацией в описании

детства Кира, поскольку сперва речь идет о различиях между персами и мидянами в отношении к еде и питью, затем о свободе слова у мидян и, наконец, – о государственном устройстве. В дальнейшем повествовании о детстве речь идет исключительно о событиях жизни будущего царя, среди которых нет подобного рода обсуждений.

Находясь в Мидии, Кир сделался взрослее (*horan tou prosebon genesthai*), и стала проявляться его *стыдливость* и *скромность (aidios)*. В Мидии он обучался верховой езде, а также стрелял из лука и метал дротик. Кир говорит своей матери, что в Персии он искуснее всех сверстников в стрельбе из лука и метании дротика, но слабее в верховой езде, которой и хотел бы поучиться в Мидии (Xen., Cyt., I.3.15). Здесь видна параллель с местом «Истории» Геродота (I.136), где сообщается, что «детей с пяти- до 20-летнего возраста они [персы] обучают только трём вещам: верховой езде, стрельбе из лука и правдивости»²² (*hippeuein kai toxuein kai alethizesthai*). Что касается метания дротика и стрельбы из лука, то здесь напрашивается сравнение с одной из Накширустамских надписей Дария I (DNb), в которой царь говорит о себе: «как копьеметатель я – отличный копьеметатель, как в пешем, так и конном строю»²³ (*ārštika amiy uvārštika utā pastiš utā asabāra – DNb, 44–45*)²⁴.

(4) При описании охоты Ксенофонт не приводит личных характеристик Кира.

(5) Когда же царевичу исполнилось пятнадцать или шестнадцать лет, происходит вторжение ассирийцев в Мидию, и своим участием в сражении и советами Астиагу Кир помогает мидянам победить, совершая подвиги, достойные мужа (*erga andros*). Узнав об этом, Камбиз вызывает Кира в Персию, куда тот возвращается, чтобы исполнить обязанности перед государством.

(6) Через некоторое время после возвращения он становится эфебом и оказывается самым доблестным во всех делах, самым выносливым и дисциплинированным, послушным у предводителей и исполненным уважения к старейшим (*au edokei kratisteuein kai meleton ha chren kai karteron kai aidoumenos tous presbyterous kai peithomenos tois archousi – I.5.1*).

По-видимому, есть основания утверждать, что влияние как иранского, так и греческого эпоса на «Киропедию» нашло свое отражение в том, что, как и у Геродота, с самого начала повествования о герое говорится о правдивости повествования. «Отец истории» пишет, что из рассказов о Кире он передает тот, который передали ему персы, желавшие не слишком восхвалять Кира, но «рассказывать сущую правду» (*ton eonta legein logon – I.95*), Ксенофонт сообщает, что тщательно исследовал происхождение, природные дарования и воспитание Кира (*genean kai poian tina physin echon poia tini paideutheis paideia tosouton dienenken eis to archein anthropon – Xen., Cyt., I.1.6*) и все, что удалось выяснить и что представляется установленным, он попытается изложить (*chosa*

oun kai epythometha kai esthesthai dokoumen peri autou, tauta peirasometha diegesasthai – ibid.) Тот факт, что Ксенофонт повествует о событиях, которые не могли иметь место в действительности не значит, что он намеренно обманывал своих читателей, либо играл с ними в некую игру, когда читатель понимал, что хотя речь и идет о правде, далее будут излагаться вымышленные события – предыдущий текст никак на это не указывает. Та правда, о которой говорят и «отец истории», и автор «Киропедии», вероятно, отличается от правды как исторической, так и художественной и представляет собой, по выражению М. И. Стеблин-Каменского, «синкретическую правду», которая, впрочем, не есть нечто среднее между художественной и исторической правдами, а представляет собой совершенно особый вид правды²⁵.

Исходя из этого, можно предположить, что главной целью «Киропедии» был рассказ о подвигах (*erga*) Кира, а описание его воспитания и личных качеств являлось инструментом для лучшего понимания того, как Кир смог эти подвиги совершить. Иными словами, Ксенофонт создал свою собственную версию предания о персидском правителе Кире Великом, подражая эпосу как греческому, так и иранскому²⁶.

Влияние эпоса на «Киропедию», возможно, проявляется и в отношении к времени. В отличие от «отца истории», который приводит родословную Кира начиная от Ахемена (III.75), Ксенофонт передает, что отец Кира Камбиз происходил из рода Персеидов, а Персеиды получили свое имя от Персея. То есть историк опирается на греческий этимологический²⁷ миф, согласно которому персы ведут свой род от Персея. Тем самым Ксенофонт связывает Кира с прошлым через генеалогию. С настоящим Ксенофонт связывает Кира также при описании положения дел в Ахеменидской державе на рубеже V–IV вв. до н. э. (VIII.8). Думается, что в этом случае также есть основание провести параллель между «Киропедией» и эпосом, в котором нет вымышленного времени, напротив, все события мыслятся как события, реально произошедшие в прошлом. Видимо, то же самое можно сказать о времени и в обеих версиях предания о детстве Кира, в которых оно не является вымышленным, а представляет собой определенный отрезок реального времени в прошлом²⁸.

Итак, в передаваемой Геродотом аутентичной иранской легенде важным элементом является игра, причём показана полисемантическая игра: в ней отражен эпизод с совершенно конкретными иранскими реалиями, переданные греческими терминами; она отражает иранский микрокосм с присущей ему иерархией: царь, связанный с божествами – главный среди людей, устанавливает порядок в государстве, ему подчиняются все, и ослушавшиеся, нарушившие таким образом порядок, несут заслуженную кару. Наконец, игра выполняет функцию предсказания – будучи названным царём в игре, Кир впоследствии стал

им в реальности. В «Киропедии» царственность Кира проявляется с самого детства (Хен., Суг., I.3–4) и она не нарушается никакими событиями, в отличие от Геродота, в повествовании которого царственный ребенок становится на время сыном пастуха. В версии «легенды о Кире», переданной Ксенофонтом, также присутствует игра (во время пира), не несущая, однако, столь глубокого символического смысла. В этой версии предания о детстве царя – иная структура повествования, в которой мы можем выделить шесть основных событий в описании детства Кира, причем третий из них – диалог с матерью о государственном устройстве Мидии и Персии – является кульминацией всего повествования. Возможно предположить, что важнейшая роль в этой версии легенды принадлежит влиянию эпоса на Ксенофонта и подражанию эпосу автором, которое выражается как в отношении к времени, в котором происходят описываемые события, так в отношении и к правдивости повествования. Вместе с тем, версия Ксенофонта имеет следы заимствования как из документального персидского материала (в отличие от версии, приводимой «отцом истории»), так и из других версий «легенды о Кире».

Примечания

- 1 Гоголь Н. В. О преподавании всеобщей истории // Собр. соч. : в 7 т. М., 1967. Т. 6. С. 47.
- 2 Там же. С. 47–48.
- 3 Термин «легенда» в данном случае является условным. Греческими авторами не используется слово *epos*. Так, Геродот употребляет слово *logos* (I.95), когда упоминает различные известные ему рассказы о жизни Кира, а Ксенофонт сообщает то, что у варваров говорится и поётся (*legetai kai aidetai*) о Кире.
- 4 Напр., Bauer A. Die Kyros-Sage und Verwandtes. Wien, 1882.
- 5 Сравнения разных версий жизнеописаний Кира в целом см.: Cizek A. From the Historical Truth to the Literary Convention : The Life of Cyrus the Great Viewed by Herodotus, Ctesias and Xenophon // L'Antiquité classique. 1975. Т. 44. P. 531–552 ; Lombardi M. Il ritratto di Ciro nella Ciropedia di Senofonte tra eredità erodotea, tradizione iranica e socratica // Rivista di cultura classica e medioevale. 2005. Anno 47. P. 235–248.
- 6 На Ктесия оказала влияние месопотамская версия «легенды о Кире»; см.: Drews R. Sargon, Cyrus and Mesopotamian Folk History // J. of Near Eastern Studies. Vol. 33, № 4. P. 387–393. См. также: Panaino A. A Mesopotamian Omen in the Cycle of Cyrus the Great with an "Appendix on Cuneiform Sources" by Gian Pietro Basello // Of God (s), Trees, Kings and Scholars : Neo-Assyrian and Related Studies in Honour of Simo Parpola. Helsinki, 2009. P. 391–398.
- 7 Отрывки разных версий встречаются у логографов, Динона, Исократы, Диодора, Помпея Трога, Полиена, Николая Дамасского и других авторов, в том числе и в некоторых византийских лексиконах.

- ⁸ Об этих снах см.: *Pelling C.* The Urine and the Vine : Astyages' Dreams at Herodotus 1.107–8 // *Classical Quarterly. New Series.* 1996. Vol. 46, № 1. P. 68–77, со ссылками на исследовательскую литературу.
- ⁹ «предоставил особую честь доставлять вести» (пер. автора).
- ¹⁰ Астиаг в разговоре с магами называет и ещё одну должность, которая существовала при «дворе» Кира – *привратнику (thyroroi* – III.120).
- ¹¹ *Tuplin C.* Xenophon on Achaemenid Court // *Der Achämenidenhof* / eds. B. Jacobs, R. Rollinger. Wiesbaden, 2010. P. 227.
- ¹² Р. Фрай проводит параллель между ахеменидскими «ушами царя» и должностью *adhyakṣa* в Древней Индии; см.: *Фрай Р.* Наследие Ирана. М., 2002. С. 144.
- ¹³ См.: *Waters M.* Cyrus and the Medes // *The World of Achaemenid Persia : History, Art and Society in Iran and the Ancient Near East* / ed. by J. Curtis, S. J. Simpson. L. ; N. Y., 2010. P. 63–71.
- ¹⁴ *Абаев В. И.* Из иранской ономастики // *История Иранского государства и культуры.* М., 1971. С. 264–265.
- ¹⁵ *Suid. s.v. bouplex* – это секира, топор, плеть, острая палка, которой погоняли быков; и опять-таки – колющее сзади стрекало, также направляющие быка пугы, (изготовленные) из жил. *Nesyuch. s.v. boossoos* – кнут и пастух ; *s.v. logasos* – бычий кнут.
- ¹⁶ Страбон передает, что первое имя Кира было Аградат. И. В. Пьянков указывает здесь на возможное соединение версии Геродота с данными Ктесия, согласно которым отца Кира звали Атрадат – аналог Митридата версии Геродота (см.: *Пьянков И. В.* Борьба Кира II с Астиагом по данным античных источников // *ВДИ.* 1971. № 3. С. 129, примеч. 184), и в этом случае это имя переносится на самого Кира.
- ¹⁷ По преданию, передаваемому «отцом истории», сын Кира Камбиз в возрасте десяти лет сказал своей матери: «Мать! Когда я возмужаю, я переверну весь Египет вверх дном» (*Herod.*, III.3).
- ¹⁸ *Gera D.* Xenophon's Cyropaedia : Style, Genre and Literature Technique. Oxford, 1993. P. 157.
- ¹⁹ *Ibid.* P. 156–157.
- ²⁰ *Борухович В. Г., Фролов Э. Д.* Примечания // *Ксенофонт. Киропедия.* М., 1976. С. 313, прим. 2. См. также: *Фролов Э. Д.* Ксенофонт и поздняя тирания // *ВДИ.* 1969. № 1. С. 108–124.
- ²¹ Здесь и далее для «Киропедии» перевод В. Г. Боруховича. Об этом разговоре см., напр.: *Gera D.* *Op. cit.* P. 73–78, со ссылками на литературу ; *Tatum J.* Xenophon's Imperial Fiction : On the Education of Cyrus. Princeton, 1989. P. 105–106. Политические взгляды Ксенофонта в «Киропедии» рассмотрены и в книге : *Nadon C.* Xenophon's Prince : Republic and Empire in the Cyropaedia. Berkeley, 2001. Однако в литературе не отмечается роль и место этого разговора в повествовании о детстве Кира.
- ²² Пер. Г. А. Стратановского.
- ²³ Пер. В. И. Абаева.
- ²⁴ См.: *Gera D.* *Op. cit.* P. 73. X. Санчизи-Веерденбург отмечала влияние документального персидского материала также на описание смерти Кира в «Киропедии»; см.: *Sancisi-Weerdenburg H.* The Death of Cyrus : Xenophon's Cyropaedia as a Source for Iranian History // *Xenophon.* N. Y., 2010. P. 439–453.
- ²⁵ *Стеблин-Каменский М. И.* Мир саги ; Становление литературы. Л., 1984. С. 23 ; 28–31.
- ²⁶ В историографии и по сей день нет единого мнения о том, каков жанр «Киропедии». Жанры, к которым в историографии исследователи, как правило, относят «Киропедию» (в разных вариациях), таковы: *роман* (romance, novel, fiction, utopian fiction), *биография* (biography), *историография* (historiography), *панегрик* (epicomic), *нравоучительное сочинение* (didactic work). Однако в историографии речь не идет о том, что «Киропедия» является подражанием эпосу. О жанре «Киропедии» см., напр.: *Hirsch S.* The Friendship of the Barbarians: Xenophon and the Persian Empire. Hanover ; L., 1985. P. 66–69 ; *Due B.* The Cyropaedia: Xenophon's Aims and Methods. Aarhus, 1989. P. 26 ; *Gera D.* *Op. cit.* P. 1–3 ; *Mueller-Goldingen C.* Untersuchungen zu Xenophons Kyropädie. Stuttgart ; Leipzig, 1995. S. I–IV. См. также: *Stadter P.* Fictional Narrative in the Cyropaideia // *Xenophon.* Oxford, 2010. P. 370 (со ссылками на обзоры мнений исследователей в разное время).
- ²⁷ *Борухович В. Г., Фролов Э. Д.* Примечания // *Ксенофонт. Киропедия.* М., 1976. С. 290, прим. 5.
- ²⁸ О категории времени в «Киропедии» см. также: *Due B.* *Op. cit.* P. 42–52 ; *Stadter P.* *Op. cit.* P. 380–385, *Beck M.* Xenophon // *Time in Ancient Greek Literature.* Leiden ; Boston, 2007. P. 385–396. Трудно согласиться с Б. Дью, которая указывает на существование в «Киропедии» двух видов времени – вымышленного (fictional) и повествовательного (narrative). Исследовательница отмечает, что заимствовала эти термины из труда Томаса Хэгга (*Hägg T.* Narrative Technique in Ancient Greek Romances : Studies of Chariton, Xenophon Ephesius, and Achilles Tatius. Stockholm, 1971), хотя в работе Т. Хэгга речь идет о греческих сочинениях более позднего времени.